

сладковатый привкус этой смеси светлого виргинского листа с темными сортами турецкого «Измира» и «Самсуна», дающими более терпкий и плотный дым. Чего вы хотите еще?

Поздней весной 1913-го... Да нет же: 1913-й — вовсе не начало этой истории.

Ричард Джошуа (Ар-Джей-Ар) Рейнолдс — плотный, высокий, очень похожий на Диккенса человек в металлических очках и с плоской бородкой аккуратной лопаточкой — не то что не был уже новичком в тот час, когда лучший караван его жизни тронулся в славный путь. У него был уже Город. Просто вот его город, и всё: его называли Рейнолдсвилем всерьез, без улыбки, потому что он и правда принадлежал ему. Уинстон и Сейлем — перестали быть двумя заштатными местечками на северной границе Каролины, где потомки моравских гуситов, укрывшие в этой благословенной дали свою строгую и простую веру, прожили трудный, но честный век за сортировкой и перевалкой кип виргинского табака.

Конечно, двумя легендарными марками, обошедшими мир по кругу, Уинстон и Сейлем пока тоже не стали: пика славы им ждать до середины 50-х, еще сорок с лишним лет. Но все-таки они уже Уинстон-Сейлем: единый город, слившийся из двух, общий адрес, цельный знак, неразрывный символ неудержимой страсти к успеху, имперская столица R.J. Reynolds.

Отсюда — каждая четвертая пачка проданного и распечатанного в Америке жевательного табака. И десятки разновидностей мелкой крошки для самокруток, наполняющей мил-

Нестора Гианаклиса из Александрии и каирских братьев Кириазилов — Иоанниса, Эфстахиоса и Эпаминондаса. Курающий мир умел с уважительным придыханием выговаривать бегло, не ломая языка, мудреные греческие имена. Греки наводнили мир уникальным, ни с чем не сравнимым и бесконечно привлекательным товаром: «египетскими сигаретами». Повсюду они шли на заказ, хоть коробками, хоть ящиками в готовом, заранее набитом виде. Их можно было курить сразу, словно крошечные сигары, не отвлекаясь на возню с бумагой и кисетом.

Конан Дойль в рассказе «Пенсне в золотой оправе», датированном 1904 годом (действие там происходит еще на десять лет раньше), дает в руки своему сыщику коробку именно таких сигарет. Бесконечно прикуривая их одну от другой, Холмс засыпает пеплом подозрительное место на ковре в кабинете неприятного профессора Корэма, а потом обнаруживает по следам, оставленным в этом пепле, спрятанную за потайной дверью русскую революционерку-народоволку:

«Вы курите, мистер Холмс? — спросил профессор. Он говорил, тщательно выбирая слова, и в речи его чувствовался какой-то странный акцент. — Прошу вас. А вы, сэр? Рекомендую вам эти сигареты. Их специально набивают для меня в Александрии. Высылают тысячу штук сразу, и, увы, каждые две недели приходится заказывать новую партию...»
Раз набивают в Александрии — значит, это были сигареты Гианаклиса, понятное дело, чьи ж еще.

«...Ой-ой-ой, мистер Холмс! Да вы, я вижу, еще

шнему неподалеку, в соседнем Кентукки, рекламное бюро KleeAdArt.

Тремя годами раньше, в 1910-м, Клесаттель перерисовал этикетку одного очень популярного бурбона, целую вечность уже производившегося там же, в Кентукки: Four Roses. Рейнолдсу этикетка понравилась, и чутье его тут тоже не обмануло: тугой букет из четырех жирных пунцовых роз, переплетенных острыми зелеными листьями, до сих пор красуется на бутылках, которые вы можете обнаружить в дьюти-фри любого приличного аэропорта. Контра KleeAdArt если уж за что-то бралась, так работала на века.

«Фриц», как сам этот гонимый Клесаттель требовал себя называть, принял заказ и осмотрел предложенный ему исходный дизайнерский «инвентарь». Решительно отверг минареты, анубисов и сфинксов, но оставил пирамиды и пальмы. Посередине разместил верблюда. Ар-Джей-Ар на верблюда согласился, но рисовать животное с чистого листа Фрицу не доверил. А отправил фотографа в квартировавший тогда на окраине Уинстон-Сейлема «Цирк Барнума и Бейли». В цирке как раз держали пожилого покладистого дромадера по кличке Старый Джо.

Мутные желтые тона для песка, терракота для пирамид и пальмы, бежевый с коричневым для верблюжьей шкуры, серебристо-голубой для главного шрифта, темно-синий для прочих текстов — решение сложилось разом, от первого до последнего штриха. Шрифт от «Клизмы» лег как влитой, пришлось только чуть украсить затейливой перекладиной «А» и слегка сдвинуть ноги у «М», чтобы очерта-

лионы и миллионы кисетов от одного океанского побережья до другого. И главное достояние: алые жестянки Prince Albert — «классического, ванильного или вишневого, на ваш выбор, сэр», — рубленого узнаваемой на любой ладони крученой стружкой, чуть крупнее обычной, по диагонали листа. Самая распространенная на континенте трубочная смесь. Подлинное национальное достояние.

В середине 20-х, когда компании Coca-Cola придет время раз и навсегда выбрать тот единственный красный тон, который теперь и есть «цвет кока-колы», его возьмут с банки «Принца Альберта».

А все три этих главных устоя рейнолдсовского благополучия покоятся на одном только маленьком знании, твердо усвоенном хитрецом Ар-Джей-Ар: сладкое любят все.

Двадцать лет уже, с середины 80-х, с самого, считаем, начала дымного дела R.J. Reynolds, в табаки его тоннами шел подсластитель. Не сахар именно, он не годится для курева — плавится, карамелизуется, уводит вкус в угольную горечь. А сахарин, изобретенный совсем недавно: неразличимый на вид и на ощупь, безупречно сладкий, без следа уходящий в дым. И дешевый, надо заметить, что уж там. Весь секрет. Просто, правда?

С этим-то тайным оружием Рейнолдс, почувствовав настоящую силу в своей уинстон-сейлемской цитадели, и отважился замахнуться на «греков».

Что стоит за этим обозначением — никому на свете, кто хоть что-нибудь смыслил тогда в куreve, объяснить было не надо. Этими самыми «греками» мировая табачная индустрия — что в Европе, что в обеих Америках — звала владельцев могучих египетских марок:

более отчаянный курильщик, чем я!

Холмс улыбнулся:

— Да, я знаток табака, — сказал он, беря четвертую сигарету из ящика и зажигая ее от окурка предыдущей.

Греки с их пошлым восточным товаром — вот кто стоял у Рейнолдса на пути. Греческое достояние Ар-Джей-Ар и собрал скрупулезно, расчетливо, чтобы пустить в дело.

Жестяные и фанерные коробки египетских сигарет, густо утыканные пальмами, сфинксами, пирамидами, анубисами, минаретами, верблюдами, барханами, ятаганами и прочими атрибутами расхожего египетского колорита. Это во-первых.

Обязательное упоминание об использовании в сигаретах самого распространенного в Египте сладкого, как поцелуй южной ночи, турецкого табака. Тоже берем с «египетских» упаковок.

И шрифт — вот этот вот, с пачки одной из популярнейших египетских марок каирской фабрики братьев Кириазилов.

Сигареты назывались Clusma. И никаких неприятных кишечнополостных ассоциаций. Клизма была известна как всего-навсего древнее бедуинское поселение на Синае: тут устраивают пикники британские офицеры из портовых гарнизонов у южного входа в Суэцкий канал.

Все это богатство — груды арабской символики, шрифт от «Клизмы», турецкий табак, экзотический темный дым и испытанный сладкий вкус — Рейнолдс вываливает в виде задания двадцатитрехлетнему рисовальщику (никакими дизайнерами никто никого не называл в те поры, хотя слово, конечно, существовало) Фреду Отто Клесаттелю, открыв-

ния осевой литеры точнее повторяли абрис центральной фигуры.

Именно тогда, выводя своего самого первого верблюда, Клесаттель умудрился вплести в узоры верблюжьей шкуры, используя как фон широкую грудь и передние ноги Старого Джо, силуэт странного мальчика, повернутого лицом против хода, вправо, с длинным буратиным носом и маленькой, но хорошо заметной остро оттопыренной пипиской.

Следующие сто лет курильщики всего мира будут разглядывать этого мальчика, а посвященные в тайну болтуны — спорить, не оттого ли художник впледел его сюда, что хотел передать привет далекой своей бельгийской родне и городу, чьим символом уже тогда считался писающий малыш.

Львиная голова, спрятанная в узорах на крупе верблюда, просматривается совсем не так уверенно: некоторые принимают зверя за растрепанную женщину.

Что еще имел в своем распоряжении Ричард Джошуа Рейнолдс накануне решительной атаки на неприступную греческую крепость, выстроенную в египетских песках? Целый арсенал уникальных для тогдашней Америки технологических и, как теперь бы сказали, маркетинговых решений.

Для начала — непривычное удобство, остроумное изобретение: своего рода бесплатный одно-разовый «портсигар». В бумажной пачке сигареты не мнутся и не высыпаются, не только готовые к немедленному употреблению, но и разумно расфасованные по двадцать штук.

Никаких таких мягких сигаретных пачек ни американский, ни вообще мировой рынок до сих пор не видал. Были перевязанные бечевой свертки, распашные картонные коробки,